

структура текста утверждается в рассказах с 1930-х гг. и связана с эволюцией повествовательных форм.

Список литературы

1. Газданов Г. Сочинения : в 3 т. / Г. Газданов ; вступ. ст. подгот. текста и коммент. Л. Диенеш, С. С. Никоненко, Л. В. Сыроватко, Ф. Х. Хадонова. – М. : Сogласие, 1996.
2. Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество / Л. Диенеш ; пер. с англ. Т. Салбиев. – Владикавказ : Изд-во Северо-Осетинского института гуманитарных исследований, 1995. – 304 с.
3. История русской литературы: XX век: Серебряный век : учеб. пос. / под ред. Ж. Нива, И. Сермана, В. Страда, Е. Эткинда. – М. : Прогресс, 1995. – 704 с.
4. Кабалоти С. М. Поэтика прозы Гайто Газданова 20–30-х гг. : монография / С. М. Кабалоти. – СПб. : Петербургский писатель, 1998. – 336 с.
5. Томашевский Б. Поэтика: Краткий курс: учебник / Б. Томашевский. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 334 с. – (Серия: Классический учебник).
6. Фрумкина А. Й. Предназначение и тайна / А. Й. Фрумкина // Новый мир. – 1992. – № 1. – С. 239–243.
7. Эйхенбаум Б. О Чехове / Б. Эйхенбаум // О прозе. – Л. : Художественная литература, 1969. – 504 с.

References

1. Gazdanov G. Sochinenija : v 3 t. / vstup. st. podgot. teksta i komment. L. Dienesh, S. S. Nikonenko, L. V. Syrovatko, F. H. Hadonova. – M. : Soglasie, 1996.
2. Dienesh L. Gajto Gazdanov. Zhizn' i tvorchestvo / per. s angl. T. Salbiev. – Vladikavkaz : Izd-vo Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnyh issledovanij, 1995. – 304 s.
3. Istorija russkoj literatury: XX vek: Serebrjanyj vek : ucheb. pos. / pod red. Zh. Niva, I. Sermana, V. Strada, E. Jetkinda. – M. : Progress, 1995. – 704 s.
4. Kabaloti S. M. Pojetika prozy Gajto Gazdanova 20–30-h gg. : monografija. – SPb. : Peterburgskij pisatel', 1998. – 336 s.
5. Tomashevskij B. Pojetika: Kratkij kurs: uchebnik. – M. : Aspekt Press, 1996. – 334 s. – (Serija: Klassicheskij uchebnik).
6. Frumkina A. J. Prednaznachenie i tajna // Novyj mir. – 1992. – № 1. – S. 239–243.
7. Jeihenbaum B. O Chekhove // O proze. – L. : Hudozhestvennaja literatura, 1969. – 504 s.

СИСТЕМА ПОВЕСТВОВАТЕЛЕЙ В ПОВЕСТИ Н.Ф. ПАВЛОВА «ИМЕНИНЫ»

Магомедова Мадина Исамутдиновна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: m.madina@mail.ru.

В статье ведётся речь о произведении русского писателя середины XIX в. Николая Филипповича Павлова (1805–1864). Анализируется первый фрагмент из раннего сборника прозаика «Три повести». Выделяются характерные приёмы психологической обрисовки. Делаются замечания относительно стилистической многослойности текста и особой формы ряда высказываний героев, нарушающей стереотипы романтического мирозерцания. Характеризуется система рассказчиков в «Именинах». Выявляется закономерность в показе событий: приятное знакомство с располагающим к себе собеседником, его история о любви и об утрате веры, последующее разочарование в рассказчике. Такой композиционный «колодец» сообщает повествованию «стереоскопичность», читателю предлагается несколько вариантов «взгляда со стороны». Многосоставная точка зрения соотносит субъективные взгляды, объединяет внутренних и внешний ракурсы.

Ключевые слова: система повествователей, ракурс, субъективный взгляд, стереоскопичность, психологизм, стилистическая многослойность.

THE SYSTEM OF NARRATORS IN N.F. PAVLOV'S STORY "NAME DAY"

Magomedova Madina I., post-graduate student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, Tatischev St., 20a, e-mail: m.madina_@mail.ru.

In the article speech is conducted about work of the Russian writer of middle of the XIX century Nikolay Filippovich Pavlov (1805–1864). The first fragment is analyses from early collection of prose writer "Three stories". The characteristic receptions of the psychological describing are distinguished. Passed remark relatively stylistic multi-layeredness of text and special form of row of expressions of heroes, defeat the stereotypes of romantic world outlook. The system of tellers is characterized in "Name-days". Conformity to law comes to light in the show of events: pleasant acquaintance with a prepossessing to itself interlocutor, his history about love and about the loss of faith, subsequent disappointment in a teller. Such composition "well" reports to the narration of "stereoscopy", the reader a few variants of "look are offered to outside". The multiprivate point of view correlates subjective looks, the internal and external foreshortening is unites.

Key words: system of narrators, foreshortening, subjective look, stereoscopy, psychologism, stylistic multi-layeredness.

Повесть Н.Ф. Павлова «Именины» – первая часть трилогии, сделавшей писателя знаменитым. Подавляющее большинство исследователей отмечают остроту социального конфликта, затронутого в произведении (в своё время сборник был запрещён к переизданию [12, с. 334–335]), «живость изображения» [1, с. 40] и яркость психологических характеристик. Особо подчёркивается выявляющая себя «пограничность» стиля писателя: о переходности прозы Н.Ф. Павлова рассуждают В.И. Сахаров [11, с. 203–204], К.Н. Григорьян [3, с. 11], Н.М. Зудина [6, с. 16] и др. Утверждается, что в его повестях «художественный мир романтизма разрушается как бы изнутри» [10, с. 425].

В данной статье мы хотели бы проанализировать сложную систему повествования и выделить характерные приёмы психологической обрисовки образов в «Именинах». Раскрытие способов воспроизведения и осмысления характеров позволит точнее обозначить стилевое своеобразие произведений известного русского писателя.

Повествование в «Именинах» ведётся от лица трёх рассказчиков: того, кто описывает семью N., его приятеля (автора рукописи) и С. Каждый из них по-своему смотрит на мир; текст обретает «стереоскопичность», читателю предлагается несколько вариантов «взгляда со стороны». Стиль описаний из рукописи во многом схож с «рамочным» текстом. История начинается с приятного знакомства, в поле зрения повествователя попадает открытый, располагающий к себе человек. Этот человек рассказывает свою историю: то, как он влюбляется, разочаровывается и ожесточается. Разочаровывается и повествователь в своём собеседнике. Дублирование ситуации (своеобразный композиционный «колодец») придаёт событиям большую достоверность.

Существование значительной дистанции между «объектом» и «субъектом» наблюдения в первой части повести подчёркивается сравнением со сценическим действием: «поднялся занавес», «два супруга разыграли передо мною... действие судьбы своей»¹. Дистанция во втором случае чуть короче, возможно, за счёт подчёркнуто художественной формы «записок». С. повествует о себе (Ю.В. Манн называет рассказ музыканта исповедью и указывает на то, что эта форма – «почти неременная черта романтической повести» [8, с. 279]). Соответственно, в указанной части повествования прямая связь между происходящим и описываемым, что, впрочем, не мешает образовываться этой дистанции при взгляде на других людей: «Я смотрел на неё, как на картину, которая не продается, которую нечем купить».

От повествователя № 1 мы получаем вначале самую общую, поверхностную информацию: «N. был человек лет тридцати, когда я встретился с ним в первый раз».

¹ Здесь и далее текст повести цитируется по изданию [9, с. 11–21].

Приблизительный возраст – то, что сразу бросается в глаза при взгляде на постороннего человека. Следующая фраза содержит сведения, которыми может обладать тот, кто хотя бы немного знает собеседника: «Он только что женился». Далее помещено описание, точно и достаточно полно отражающее внутреннее состояние N.: «Трудно и почти невозможно передать словами тот угар счастья, который туманил тогда его голову. Он видел в жене и друга, и любовницу, и цель жизни, и, наконец, всё, что привязывает нас, что веселит глаза и увлекает душу». В процитированном фрагменте содержится большое количество романтических интенций: тезис о невозможности объективно передать человеческие переживания (ср. с «Что наш язык земной пред дивною природой?» В.А. Жуковского), понимание любви как упоительной привязанности, экстаза, «идентификация эроса как наивысшей ценности мира» [5, с. 21] (ср. с «Что есть любовь? Безумье от угара, / Игра огнём, ведущая к пожару...» У. Шекспира), слова-сигналы, отсылающие к романтической эстетике («угар счастья», «туманил голову», «увлекает душу», «в минуту упоения»). Сходные сочетания будут встречаться в речи повествователя № 1 и далее, правда в иной коннотации: «умирающей любви», «запалили бы охолодевшее сердце» и т.п. Принципиально важно, что столь нарочитая изысканность выражений уже сама по себе «раслаивает» стереотипы романтического мирозерцания, на что указывает Ю.В. Манн [8, с. 304].

Доминанта эмоционального компонента в психологическом анализе персонажей становится очевидна при упоминаниях о «рассогласовании ума и сердца» [2, с. 19]: «тогда я приписал это доброте сердца; теперь бы объяснил себе такую весёлость проще, удовлетворённым самолюбием», «честолюбивая мысль привела в движение все струны моего сердца», «в первый раз отчаяние притаилось в моём бунтующем сердце; в первый раз рассудок перестал мучить меня». В описаниях повествователя № 1 присутствует элемент субъективности: «непритворные ласки», «неподдельная весёлость», «любовался картиною семейного блаженства». Но если его юный неопытный герой открыт и непосредствен («говорил мне беспрестанно», «тёплые объятия»), то повзрослевший N. сдержан, скрытен («отвечал отрывисто», «не очень распространялся», «его возражения были учтивы, но под этой учтивостью скрывалась почти всегда язвительная насмешка»). Зато характер отношения N. к жене обнаруживается достаточно прямолинейно, и замечания рассказчика носят обобщающий характер, о чём свидетельствуют повторы: «в каждом слове, в каждом взгляде муж напоминал, что он глава жены», «неисцелимое равнодушие к ней проглядывало во всех его поступках, во всех мелочах» (курсив в тексте мой – М. М.).

Если повествователь № 1 явно проявляет симпатию к юному N., то повествователь № 2 откровенно любит С.: «Чудный незнакомец осенил мою душу и пленительным голосом, и мужественною наружностью, и военными похождениями», «недюжинный человек», «прекрасные волосы, раны, широкая грудь, увешанная крестами», «большие голубые глаза», «красивый ус». Рассказчик ловит каждый жест штаб-ротмистра, отмечает его открытость («он жал мою руку и улыбался с приметным удовольствием», «он охотно согласился заехать по дороге ко мне в деревню»), естественность («глаза его сверкали вдохновением», «смелые выражения») и страстность («необузданность чувств», «хлопнул стаканом о стол и начал беспокойно ходить по комнате», «тяжкий вздох вырвался из его широкой груди», «слёзы навернулись на глазах офицера; он встал, прошёлся по комнате»). В описаниях героя сражений ещё более явно проявляется романтическая экзальтированность («мрачное облачко задумчивости», «бестрепетный сосед смерти», «в нём все было перемешано: и смерть, и жизнь, и музыка, и штыки»). Финальный же портрет, как и в первом случае, рисует отчуждённого, скрытного героя: «Как он был разговорчив за вином, так после сделался молчалив и во всю дорогу спал», «он сел; выпустил из руки рюмку и стал кусать губы», «мёртвая тишина продолжалась до конца обеда... После мой спутник поклонился мне молча и пропал».

Динамика изменения точки зрения в описаниях героинь повести прямо противоположна направленности изменения мужских портретов. Доминирование «овнешнённых» штрихов в начале («молодая, резвая, милая» жена, такая же быстрая и лёг-

кая Александрина, у которой изображаются волосы, стан, ножка, платье и т.п.) сменяется более психологизированными (и даже «физиологизированными») описаниями («уныло смотрела она; её шаги были медленны; алые щёки побледнели», «закатившиеся глаза, ...помертвелое лицо»).

Оценки, даваемые С., глубоки и артистически утончённы: «кой-где проглядывало лицо, как будто упавшее с неба», «приметное чувство гордости, смешанной с удовольствием, одушевляло на время её улыбку, её безжизненные глаза», «голубые глаза, полные какой-то мечтательной жизни» и проч. Более реалистичны самохарактеристики бывшего музыканта: «...Я уже ходил не на цыпочках, ... я уже ступал всею ногою и ноги мои не путались, хотя ещё не было в них этой красивой свободы, с которою я теперь кладу их одна на другую, подгибаю, шаркаю и стучу... Я мог уже при многих перейти с одного конца комнаты на другой, отвечать вслух; но всё мне было покойнее держаться около какого-нибудь угла», «долго я поправлял волосы, отряхал пыль, наконец вошёл, разумеется немножко боком, и держался к стенке» (вероятно, с помощью образа пыли в данном случае Н.Ф. Павловым обыгрывается «традиционный романтический концепт пути» [4, с. 45]).

В целом же повествованию С. в большей степени присуща манерность (в данном случае можно вести речь о налёте «марлинизма», который отмечает, в частности, авторы академического четырёхтомника по истории русской литературы [7]). См., например, следующие примеры: «Я плакал, но ни одно сердце не откликнулось на беззащитный плач мой, никто не прижал ребёнка к тёплой груди и не постарался ласками стереть его слёзы», «я был хуже, чем убитый солдат, заколоченная пушка, переломленный штык или порванная струна...», «вечность страданий уместилась в одну ночь; по-настоящему я откупился тогда от них на целую жизнь и в здешнем и в будущем мире» и т.д. Вновь мы можем вести речь о нарочитости высказываний, изнутри разрушающей романтическую эстетику.

Итак, Н.Ф. Павлов вводит в свою первую повесть рассказчиков, как издали наблюдающих за своими героями, так и передающих личные переживания. Наиболее характерной для текста является сложная (многосоставная) авторская точка зрения, в которой объединяются внешняя и внутренняя. Произведение строится на контрасте описаний непринуждённости, прямодушия, с одной стороны, и неестественности, скрытности, с другой. Субъективные точки зрения, «взаимопроектируясь» (термин М.Ю. Лотмана), раскрывают своё общее содержание – действительность.

Список литературы

1. Аношкина В. Н. Литература второй половины 1820–1830-х годов / В. Н. Аношкина // История русской литературы XIX века : 1800–1830-е годы / под ред. В. Н. Аношкиной, Л. Д. Громовой. – М. : Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 2001. – Ч. 2. – С. 5–70.
2. Буланов А. М. Художественная феноменология изображения «сердечной жизни» в русской классике / А. М. Буланов. – Волгоград : Перемена, 2003. – 190 с.
3. Григорьян К. Н. Судьбы романтизма в русской литературе / К. Н. Григорьян // Русский романтизм. – Л. : Наука, 1978. – 248 с.
4. Завьялова Е. Е. Концепт «пыль» в произведениях Н.В. Гоголя / Е. Е. Завьялова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. – 2009. – № 2 (7). – С. 44–46.
5. Завьялова Е. Е. Основные мотивы любовной лирики 1880–1890-х гг. / Е. Е. Завьялова // Гуманитарные исследования. – 2005. – № 2 (14). – С. 21–27.
6. Зудина Н. М. Н.Ф. Павлов в историко-литературном процессе 30–60-х годов XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Зудина. – М., 1988. – 22 с.
7. История русской литературы : в 4 т. / гл. ред. Н. И. Пруцков ; Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Л. : Наука, 1981. – Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму / под ред. Е. Н. Купреяновой. – 656 с.
8. Манн Ю. В. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма / Ю. В. Манн. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 518 с.

9. Павлов Н. Ф. Сочинения / Н. Ф. Павлов ; сост., авт. послесл. и примеч. Л. М. Крупчанов. – М. : Сов. Россия, 1985. – 304 с.
10. Русские повести XIX века 20–30-х годов : в 2 т. – М. – Л. : ГИХЛ, 1950. – Т. 1. – 571 с.
11. Сахаров В. И. Страницы русского романтизма : книга статей / В. И. Сахаров. – М. : Советская Россия, 1988. – 352 с.
12. Трифонов А. Н. Н.Ф. Павлов / А. Н. Трифонов // Павлов Н.Ф. Повести и стихи. – М. : Художественная литература, 1957. – 359 с.

References

1. Anoshkina V. N. Literatura vtoroy polovini 1820–1830-h godov // Istoriya russkoy literaturi XIX veka : 1800–1830 godi / pod red. V. N. Anoshkinoy, L. D. Gromovoy. – М. : Gumanit. izd. centr «VLADOS», 2001. – Ch. 2. – S. 5–70.
2. Bulanov A. M. Hudogestvennaya fenomenologiya izobrazheniya «serdechnoi gizni» v russkoi. – Volgograd : Peremena, 2003. – 190 s.
3. Grigoryan K. N. Sudbi romantizma v russkoi literature / K. N. Grigoryan // Russkii romantizm. – L. : Nauka, 1978. – 248 s.
4. Zavyalova E. E. Koncept «pul» v proizvedeniyah N.V. Gogola // Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2009. – № 2 (7). – S. 44–46.
5. Zavyalova E. E. Osnovnye motive lyubovnoi liriki 1880–1890-h gg. // Gumanitarnye issledovaniya. – 2005. – № 2 (14). – S. 21–27.
6. Zudina N. M. N.F. Pavlov v istoriko-literaturnom processe 30–60-h godov XIX veka : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – М., 1988. – 22 s.
7. Istoriya russkoi literatury: v 4 t. / gl. red. N. I. Pruckov. – Т. 2. Ot sentimentalizma k romantizmu i realizmu / pod red. E. N. Kupreyanovoi. – L. : Nauka, 1981. – 656 s.
8. Mann Yu. V. Russkaya literatura XIX veka. Epoha romantizma. – М. : Ros. gos. gumanit. un-t, 2007 – 518 s.
9. Pavlov N. F. Sochneniya / sost., avt. poslesl. i primech. L. M. Krupchanov. – М. : Sov. Rossiya, 1985. – 304 s.
10. Russkayе povesti XIX veka 20–30-h godov : v 2 t. – М. – L. : GIHL, 1950. – Т. 1. – 571 s.
11. Saharov V. I. Stranici russkogo romantizma : kniga statei. – М. : Sovetskaya Rossiya, 1988. – 352 s.
12. Trifonov A. N. N.F. Pavlov // Pavlov N.F. Povesti i stihy. – М. : Hudozhestvennaya literatura, 1957. – 359 s Trifonov.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА-ИМАЖИНИСТА А. КУСИКОВА

Списиццева Любовь Валентиновна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: krilovalubov@bk.ru.

В статье поднимаются актуальные в современном литературоведении вопросы жанровых трансформаций в русской поэзии начала XX в., впервые анализируются лирические поэмы имажиниста Александра Кусикова. Особое внимание уделяется выявлению типологических черт лирической поэмы как жанрового образования. Доказывается мысль о том, что лирические поэмы Александра Кусикова представляют собой части единого целого. В жанровом определении произведений выстраивается особый внутренний сюжет самоидентификации лирического героя, этапы его самосознания.

Ключевые слова: цикл, жанр, лирическая поэма, лирический герой, сюжет, хронотоп, фрагментарность, рефлексия.